

Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 2: анализ источников XVIII в.*

Роман Почекаев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аннотация. В статье исследуются сочинения европейских современников (прежде всего, дипломатов и путешественников, побывавших в рассматриваемый период в Крымском ханстве и Османской империи) об особенностях статуса Гиреев с Османами в XVIII в. Проанализированы записки французских авторов – дипломатов и писателей А. де Ла Мотрэ, А. Яворки, Ф. Тотта, Ш.-К. де Пейссонеля, А. де Вержи дю Вернуа, Ш. де Бара, англичан Д. Мотли, У. Итона, У. Тука, голландца Н.-Э. Клеемана. В последний век своего существования Крымское ханство все более испытывало влияние Османской империи, но именно ближе к концу своего существования оно получило (по итогам Кючук-Кайнарджийского мирного договора) официальную независимость. Автор намерен проследить эволюцию статуса ханства по отношению к Османской империи в том виде, в каком она представлена иностранными современниками, выявить наиболее распространенные наблюдения, а также стереотипы и ошибки, которые были свойственны европейским авторам, многие из которых некритически использовали материалы своих предшественников.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, суверенитет, сюзеренитет, вассалитет, записки европейских путешественников

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 2: анализ источников XVIII в. // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 129–143. DOI: 10.22378/kio.2025.4.129-143

* Продолжение. Начало см.: Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 1: анализ источников XVI–XVII вв. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 68–85. DOI: 10.22378/kio.2019.2.68-85

XVIII век стал переломным для Крымского ханства: именно в это столетие усилилась зависимость ханов из рода Гиреев от Османской империи, но в то же время парадоксальным образом существенно активизируются международные контакты ханства. Если в предыдущие столетия иностранные, и в первую очередь европейские, дипломаты посещали Крым только для решения конкретных задач, то в XVIII в. различные страны не только регулярно направляют своих послов к ханам, но даже и создают свои постоянные представительства – консульства¹. При этом речь идет не только о соседних государствах, которые то вступали в союз, то воевали с Крымским ханством – Российской империей, Речью Посполитой, но и с более отдаленными – Великобританией, Францией, Пруссией, Швецией.

В последней четверти того же XVIII в. Крымское ханство по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1768–1774 гг., было признано самостоятельным государством. Однако всего десятилетием позже оно было упразднено, и Крым стал частью Российской империи, хотя Османская империя продолжала предпринимать попытки вернуть полуостров под свой контроль еще и в начале 1790-х гг.

Все особенности политico-правового развития Крымского ханства и его правоотношений с Османской империей нашли отражение в записках вышеупомянутых европейских дипломатов, которые лично побывали либо непосредственно в ханстве, либо в империи. Кроме того, интерес представляют и сведения других европейских авторов, которые, не посетив лично ни Бахчисарай, ни Стамбул, тем не менее, на основе свидетельств очевидцев также уделяли внимание этим вопросам.

Отметим, что записи авторов XVIII в. о Крыме не менее, чем записи их предшественников XV–XVII вв., привлекают внимание исследователей. Большинство авторов обращаются к анализу трудов отдельных современников [2, см., напр.: 1; 2; 11; 24; 26]. Однако имеются и труды, посвященные комплексному исследованию широкого круга записок современников о Крымском ханстве и его отношениях с Османской империей. К числу последних следует отнести, в частности, фундаментальные исследования Н.И. Храпунова, в которых он подробно анализирует личности и записи английских и французских путешественников (дипломатов, торговцев, туристов), побывавших в Крыму во второй половине XVIII – первой трети XIX в., а также работы некоторых их современников, которые полуостров не посещали [14; 15; 16; 17]. При этом исследователь уделяет внимание не просто анализу фактической информации этих авторов о Крыме, его отно-

¹ Так, за 1719–1769 гг. в Крыму побывало десять только французских консультов [1, с. 129; см. также: 17, с. 228].

шениям с Османской и Российской империей и пр., но и вопросам о том, чем они руководствовались в своих трактовках и оценках событий, а также о том, кто повлиял на их взгляды и, напротив, как их работы повлияли на взгляды современников по «крымскому вопросу».

В значительной степени именно результаты исследований Н.И. Храпунова позволили автору настоящих строк приступить к написанию этой статьи. Поскольку ни он, ни другие исследователи европейских сочинений XVIII в. не рассматривали специально вопрос об особенностях правовых отношений Крымского ханства с Османской империей, мы полагаем, что анализ этих источников в таком ракурсе может представлять определенный интерес. Тематически настоящая статья является продолжением публикации, вышедшей несколько лет назад и посвященной анализу записок европейских путешественников XVI–XVII вв. [8].

Своей целью в рамках данного исследования мы видим анализ сведений английских, французских и др. современников о том, как выстраивались отношения между Крымским ханством и Османской империей в XVIII в., чем они были сходны и чем отличались от освещения аналогичных аспектов в записках XVI–XVII вв. Также представляет интерес вопрос о стереотипах и ошибках, которые допускали европейские современники, либо добросовестно заблуждаясь, либо некритично воспроизводя в своих работах сведения более ранних авторов.

Источниковую базу исследования составляют записи европейских дипломатов, путешественников, торговцев и ученых (лично не бывавших в Крыму или Турции). Значительное их количество введено в русскоязычный научный оборот, некоторые анализируются по оригиналам или европейским же переводам. Ниже мы намерены рассмотреть ряд элементов правового статуса Крымского ханства и его правителей по отношению к Османской империи в XVIII в. так, как они трактуются европейскими современниками.

Традиционно начнем со статуса ханов в отношении османских султанов, который отчасти сохранил те особенности, которые были выявлены нами в статье, посвященной реалиям XVI–XVII вв., однако некоторые его элементы изменились или были более детально отмечены авторами XVIII в.

По справедливому замечанию английского авантюриста У. Итона, который побывал в Крыму уже в последние годы существования ханства, признание власти султана из рода Османов крымскими ханами и их подданными веками базировалось в значительной степени на том, что султан являлся еще и халифом – духовным главой всех мусульман-суннитов [4, с. 122; 21, с. 576].

Подробную и весьма выразительную характеристику статуса хана приводит французский дипломат Ш.-К. де Пейссонель: «Татарский хан... зависит от турецкого султана (великого повелителя), который его взводит на престол и свергает, по своему желанию, тем не менее, он принимает по словам и посыпает от своего имени, но он не может ни объявить войны, ни заключить мира, без ведома Порты. Несмотря на это, случалось неоднократно, что ханы затевали (начинали) войну по собственному почину; также Порта принудила их несколько раз к поступкам, которых в дальнейшем она не поддерживала. Девлет-Гюрай-хан, отец Арслан-Гюрай-хана, царствующего ныне, получил приказ Порты осквернить убежище Карла XII и погнать его на Бендер: между тем Порта отказалась признаться в этом насилии, бросила всю вину на хана и свергла его спустя некоторое время; приказ турецкого султана еще сейчас в руках Нурседин-Керим-Гюрая, младшего сына Девлет-Гюрай-Хана; он показывает его всем, кто захочет его видеть, чтобы оправдать поведение своего отца и выставить перед глазами всего света столь малую верность, которую выказала Порта в этом случае» [6, с. 19–20]. Как видим, в отдельных случаях османские власти оставляли за собой право выразить поддержку или осудить действия крымских ханов (вплоть до их смещения) в зависимости от собственных внешнеполитических интересов. В прежние века мощь Османской империи позволяла ей не считаться с позициями других игроков на международной арене.

У. Итон, в свою очередь, перечисляет причины, по которым османские султаны могли сместить одного султана и назначить нового. К ним относились смуты и интриги аристократии (т.е. неспособность крымского правителя контролировать ситуацию в стране), военные неудачи в османских военных кампаниях или «плохое обеспечение Константинополя зерном из Крыма» [4, с. 115–116].

Интересным представляется сообщение немецкого «кабинетного ученого» И.Э. Тунманна, носящее компилятивный характер, но, тем не менее, востребованное исследователями по истории Крымского ханства. Согласно этому автору, процедура назначения крымских ханов прошла несколько этапов: сначала султаны только утверждали ханов, избиравшихся курултаем, с 1584 г. стали уже по своему усмотрению назначать и смешать их. И даже после Кючук-Кайнарджийского мира, т.е. с 1774 г., когда Крым был признан независимым государством, хан должен был, как минимум, извещать османского султана о своем избрании. Это происходило на основании того, что и после отказа от светской власти над Крымским ханством султан оставался его духовным главой [12, с. 26–27, 29; см. также: 21, с. 72, 577–578; ср.: 14, с. 46].

Французский путешественник Ш. де Бар, побывавший в Крыму вскоре после его присоединения к России, несколько уточнил эту информацию: по его сведению из последних ханов Крыма одни избирались местным населением, другие же – как и прежде, назначались султаном [22, с. 418]. Это вполне соответствует информации об «альтернативных» ханах последних лет существования ханства – например, ставленниках России Сахиб-Гирее II и Шахин-Гирее и назначенных султанами Максуд-Гирее и Девлет-Гирее IV.

Как было упомянуто выше, в XVIII в. Крымское ханство стало существенно расширять свои дипломатические, а в ряде случаев и военные контакты с рядом стран Европы. Однако подчиненное положение ханов находило отражение и в переговорах с иностранцами. Так, согласно английскому историку Д. Мотли, включившему в свою «Историю жизни Петра I, императора России» (1739) некоторые сведения о Крыме (на основе официальных документов и ранее опубликованных работ), хан Девлет-Гирей, обсуждая военный союз с шведским королем Карлом II, сначала должен был проинформировать о нем османского султана и получить его согласие [4, с. 64; ср.: 25, р. 195].

Если речь шла о масштабных военных кампаниях Крымского ханства, в которых предполагалось участие османских войск, их планы следовало согласовывать с султанами – как это было, в частности, с походом Крым-Гирея на Россию 1769 г. [9, с. 14].

При этом в военных кампаниях, даже возглавлявшихся крымскими ханами, турецкие военачальники вели себя независимо и могли совсем не считаться с их приказами. Голландский торговец Н.-Э. Клееман, побывавший в Крыму при дворе хана Крым-Гирея, в т. ч. во время вышеупомянутого похода 1769 г., сообщает, что в этом походе участвовали и османские войска, которые по пути следования армии туда и обратно грабили местное население (т.е. ханских подданных), включая как дома жителей, так и купеческие лавки, порой лишь символически оплачивая забиравшиеся товары [5, с. 61–62, 114–116]. Неудивительно, что хан впоследствии, по свидетельству французского дипломата словацкого происхождения Ф. де Тотта (консул в Бахчисарае в 1767–1769 гг.), выражал открытое недовольство «недисциплинированностью и подлостью турок» [9, с. 174; 27, р. 147–148; см. также: 19, с. 45].

Даже в некоторых вопросах внутренней политики ханы могли быть ограничены османскими властями. В частности, У. Итон отмечает, что хан мог вынести смертный приговор беям – главам татарских племен только с согласия Константинополя [4, с. 117; 14, с. 47; 21, с. 573].

Однако зависимость Гиреев от Османской империи имела и обратную сторону: вынужденные постоянно искать покровительства султана и высших

сановников, крымские ханы со временем интегрировались в их структуру и сами вполне могли принимать участие в интригах при дворе или склонять на свою сторону тех или иных турецких царедворцов и получать те или иные преимущества вплоть до официальных [см., напр.: 27, р. 94, 120].

Любопытный способ приобретения влияния в Порте крымскими ханами упоминает в своем обзоре У. Итон, который побывал в ханстве уже в последние годы его существования. Он сообщает, что ханы «подкупали» султанов, обращаясь к ним с просьбой продлить фирманс об их утверждении в ханском достоинстве «еще на один год правления» [4, с. 115; ср.: 14, с. 46]. Естественно, такие прошения сопровождались богатыми дарами, что повышало склонность султанов к своим ставленникам.

Согласно Ш.-К. де Пейссонелю, османские власти принимали во внимание волю умирающего крымского хана в определении наследника, хотя, конечно, далеко не всегда она становилась главным фактором выбора его преемника. Также хана привлекали к совещаниям под председательством великого визиря, оказывая ему почести как государю [6, с. 25, 26].

Вышеупомянутый Н.-Э. Клееман сообщает, что хан пообещал ему (и выполнил потом обещание) получить из Константинополя султанский фирманс, в котором голландец и его спутники фигурировали бы как его «комиссары» и могли бы свободно проходить османские таможни [5, с. 52, 77]. Естественно, без прочных связей в высшихластных кругах османской империи хан не мог бы обеспечивать получение таких документов.

Неудивительно, что далеко не всегда крымские вассалы Османской империи демонстрировали ей покорность – порой они могли позволить себе критику как самих османских властей или военачальников, так и тех иностранцев, которых считали чрезмерно приверженными к османским интересам в ущерб крымским.

Так, Ш.-К. де Пейссонель сообщает, что хан Девлет-Гирей после Прутского похода обвинил в неудачах турецкого великого визиря, с которым не ладил, и добился его смещения и казни [6, с. 25]. Точно так же, по свидетельству Ф. де Тотта, Крым-Гирей после похода 1769 г. вступил в открытую конfrontацию с великим визирем, обвинив его в некомпетентности [27, р. 150].

Согласно одной из версий, консульская деятельность и самого де Тотта завершилась по настоянию крымских властей, которые считали, что он слишком уж старался продвигать в ханстве интересы не только Франции, но и Османской империи и даже в какой-то мере возложили на него ответственность за смерть хана Крым-Гирея после похода на Россию 1769 г., который, как считалось, также был организован не без участия дипломата [5, с. 165–166; см. также: 2, с. 41–42].

Впрочем, подобные проявления решительности со стороны крымских ханов были, скорее всего, «в пределах допустимого»: Османы готовы были идти им навстречу, делая небольшие уступки, что не меняло сути отношений между правителями Крымского ханства и Османской Порты. Ш.-К. де Пейссонел прямо сообщает, что ханы, хотя и чувствуют, что их властные прерогативы все больше ограничиваются Османами, но уже «слишком привязаны» к ним, чтобы мечтать об отделении и проведении независимой политики. Это – и вышеупомянутый статус османского султана как халифа, и привыкание к постоянным денежным поступлениям из Османской империи (о которых речь пойдет ниже), и возможность воздействовать на ханов в т. ч. военными средствами [6, с. 24].

Завершая анализ статуса крымских ханов по отношению к османским султанам, считаем целесообразным вновь вернуться к пресловутому договору между Гиреями о Османами, который, якобы, был заключен султаном Мехмедом II Фатихом и ханом Менгли-Гиреем и неоднократно фигурировал в записках европейских авторов XVII в. Надо сказать, что он встречается и в записках их последователей XVIII в., однако некоторые авторы уже относятся к сведениям о нем весьма скептически. Наиболее ярко такое отношение выражено в «Записке о Малой Татарии» Ш.-К. де Пейссонеля, который предлагает свою версию этого договора, однако при этом прямо утверждает, что соглашение по поводу занятия трона Порты Гиреями в случае пресечения рода Османов – это миф, который не разделяют ни турки, ни крымские татары. Впрочем, французский дипломат пытается дать рациональное объяснение этому мифу, ссылаясь на события начала XVIII в., когда янычары после очередного дворцового переворота, якобы, предложили трон весьма почитаемому и в Крыму, и в Османской империи хану Селим-Гирею, но тот отказался [6, с. 21–23; см. также: 10, с. 236–241]. Однако это объяснение вряд ли можно принять, учитывая отмеченное выше распространение сведений об этом договоре еще и в записках авторов XVII в.

Впрочем, сам факт критического отношения Пейссонеля к этому «документу» уже выгодно отличает этого автора от ряда современников [см.: 18, с. 518]. Так, например, англичанин У. Тук, писавший свои «Письма» о Крыме в 1785 г. на основе преимущественно работ И. Тунманна и В. Зуева, его соотечественник У. Итон, а также и французский «кабинетный ученик» А. де Верди дю Вернуа, упоминавший Крым в книге о европейских владениях Турции (и также во многом опиравшийся на Тунманна), в полной мере доверяют утверждению о возможности смены Османов Гиреями на троне Османской Порты [14, с. 24–26; 20, с. 113–114; 21, с. 572]. Любопытно, что с доверием к этому утверждению отнесся и французский путешественник барон Ш. де Бар, чьи заметки о Крыме, по предположению

современных исследователей, могли представлять собой аналитическую записку для французских властей [22, с. 418].

Интересной представляется характеристика Ф. де Тотта, данная высшим сановникам Крымского ханства: муфтий, визирь и «министры» имеют статус и обязанности такие же, как обладатели аналогичных должностей в Османской империи [27, р. 127]. Поскольку в свое время эти должности были унаследованы Гиреями от Золотой Орды, где они, несомненно, имели отличия от турецких оригиналлов, можно полагать, что со временем эти институты в Крыму трансформировались под османским влиянием.

Выше мы уже отметили вмешательство османских султанов в судебные прерогативы крымских ханов, однако оно имело место и на низшем уровне. В кадилыки, по словам Ш.-К. де Пейссонеля, направлялись судьи-кади из Османской империи. Он также отмечал, что если кадий, утвержденный крымским ханом, выносил смертный приговор, его могли обжаловать в диване, чего не допускалось в отношении решений кадиев, назначенных султаном.

При этом Пейссонель, как и Ф. де Тотт, противопоставляет «османский» и «татарский» суд (или «закон»), считая второй более «буквальным» и отражающим реалии [6, с. 50; 27, р. 96–97; см. также: 13, с. 141, 143–144]. Подобные наблюдения наводят на мысль, что, несмотря на существенное влияние в религиозной сфере и судебной, как ее разновидности, крымские суды все же смогли сохранить некоторую часть своей прежней самобытности, вероятно, унаследованной еще из Золотой Орды.

Следует сказать несколько слов о финансовых аспектах взаимодействия Крымского хана и Османской империи в XVIII в. Ведь лояльность крымских ханов и аристократии османские власти старались, как и ранее, регулярно обеспечивать и материальными средствами.

Согласно сведениям французского дипломата венгерского происхождения А. Яворки, занимавшего пост консула в Крыму (1735–1736) и оказавшегося свидетелем вторжения в Крым русских войск (к которым он даже попал в плен), субсидии со стороны Османской империи, о которых говорили авторы XVI–XVII вв., продолжали выплачиваться и в XVIII в. [1, с. 134–135]. Среди доходов ханов (а также калга-султанов и нураддин-султанов) далеко немалую часть составляли поступления из Порты, которые, согласно У. Итону, сохранялись даже в эпоху формальной независимости Крымского хана – при хане Шахин-Гирее [14, с. 47; 21, с. 577].

Помимо регулярных выплат в пользу Гиреев, османские власти дополнительно направляли богатые дары и денежное вознаграждение хану, его родственникам, аристократии и сейменам (солдатам регулярных войск,

составлявших личную ханскую гвардию [см. подробнее: 23, с. 45–48]². Так, например, сообщает Яворка, ежегодные доходы ханов (включая внутренние, а не только за счет османских поступлений) составляли 1 000 мешков по 500 левенталеров, тогда как только за участие в походе на Персию в 1735 г. хан Каплан-Гирей I получил 500 таких мешков [1, с. 139]!

К этому же аспекту крымско-османских отношений относится вопрос о том, как соотносилась власть ханов-Гиреев с османскими владениями в Крыму. Н.-Э. Клееман упоминает, что в Гезлеве (Евпатории) ханские эмиссары могли достаточно активно влиять на определение размера пошлин в пользу ханской казны. Тогда как, например, по поводу Кафы (Феодосии) он сообщает: «Хан мало там имеет власти, хотя он в самом деле и пользуется некоторою частью таможенных пошлин» [5, с. 107, 148]. Судя по контексту сообщения, и здесь Османы к XVIII в. ограничили прерогативы Гиреев в отношении портовых городов Южного Крыма, которыми те пользовались в предыдущие века [см. подробнее: 7 с. 62–63]. Это косвенно подтверждает и Ш.-К. де Пейссонель, который называет следующие суммы от разных городов: 50 000 пиастров таможенных и соляных пошлин в Гюзлеве, 30 000 пиастров таможенных и соляных пошлин Озкапи, 2 500 из таможни Кафы [6, с. 127]. Как видим, от Кафы – центра османских владений в Крыму и крупнейшего порта – в пользу хана шли весьма незначительные пошлины по сравнению с другими городами.

Отдельно следует сказать о некоторых нюансах, связанных с двойным подчинением некоторых народов и Крыму, и Порте. Так, например, О. де Ла Мотрэ, французский гугенот, в силу религиозных причин покинувший Францию и состоявший на дипломатической службе у англичан, голландцев и шведов, во время своего пребывания в кавказских владениях в 1711 г. отметил подобный статус черкесов. Этот народ еще и в прежние века платил налоги Крымскому ханству, признавая его сузеренитет, однако в начале XVIII в., получая поддержку из Константинополя, все больше отказывался выполнять свои вассальные обязанности по отношению к Гиреям. В результате нураддин-султану пришлось обращаться к османскому монарху, чтобы получить его одобрение на карательный поход против черкесов. Которое последний, впрочем не только дал, но и приспал ему крупную сумму денег и дары, «как это практиковалось в то время, когда он принимал какие-нибудь большие походы» [3, с. 87–88].

Ш.-К. де Пейссонель, в свою очередь, упоминает, что прежде Едисанская Орда (во главе которой, как правило, стоял член дома Гиреев в статусе сераскер-султана!) платила 12 000 пиастров в год крымским ханам, но Се-

² Согласно У. Итону, и в мирное время 1 600 сейменов содержались за счет Османской империи [4, с. 122].

лим-Гирей уступил эту сумму Порте [3, с. 139]. Вероятно, это произошло не без влияния со стороны последней.

Таким образом, как видим, продолжая внешне выказывать покровительство крымским ханам и знати в политическом и материальном отношении, Османская империя при этом исподволь старалась установить прямой контроль над вассальными ей народами и государственными образованиями. И именно в XVIII в. этот процесс начал проявляться настолько явно, что стал очевиден даже иностранным дипломатам.

Лишь в тех случаях, когда прямая поддержка Гиреев в конфликте с их вассалами была выгодна Османам, они ее проявляли и на словах, и на деле. Так, в частности, произошло во время ногайского восстания 1758 г., когда великий визирь Оттоманской Порты открыто поддержал хана в противостоянии с мятежниками. Правда, это не помогло хану Халим-Гирею, который по обвинению в утрате контроля над ситуацией все же был смешен и заменен Крым-Гиреем [6, с. 83, 86; ср.: 21, с. 568–569].

Любопытно, что попытки усиления контроля как над самим Крымом, так и над подвластными ей народами Османская империя осуществляла в тот период, когда сама в экономическом отношении зависела от Крымского ханства. На это указывает, в частности, У. Итон, отмечая, что ханство было крупным поставщиком зерна в Константинополь [4, с. 112, 115; 21, с. 568].

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что европейские авторы XVIII в. в целом достаточно объективно отражали реалии крымско-османских правоотношений в современный им период. Однако в силу разных факторов (личные качества, влияние общеевропейских стереотипов, некритичное использование записок предшественников и пр.) они допускали и ошибочные трактовки или оценки событий в рамках отношений Крымского ханства и Османской империи. Впрочем, аналогичный вывод можно сделать и относительно записок их предшественников – авторов XVI–XVII вв.

В целом же проанализированные тексты могут служить ценным источником по истории государственности Крымского ханства, особенностей его отношений с Россией, Османской империей, другими народами и государствами. Кроме того, личное пребывание ряда авторов в Крыму в период важных политических и военных событий позволяет выявить особенности реалий крымско-турецких отношений, информации о которых мы не найдем ни в официальной документации, ни в нарративных источниках крымского или османского происхождения.

Поэтому, при условии исследования данного вида источников с необходимой долей критицизма и сравнения их с другими источниками (крымскотатарского, османского, русского происхождения) можно утверждать,

что записки европейских современников о Крыме и его отношениях с Османами в XVIII в. являются ценным, хотя и не основным источником, освещющим данный аспект истории Крымского ханства в рассматриваемый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков П.А., Беспятых Ю.Н. Крымское ханство в 1736 г. по известию французского консула А. Яворки // Золотоординское обозрение. Т. 8. 2020. № 1. С. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146
2. Даниш М. Дипломат словацкого происхождения барон Франтишек Тотт при дворе крымского хана Гирея // Запад – Восток. № 8. 2015. С. 35–48.
3. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.
4. Калашников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепропетровск: Б.и., 2013. 349 с.
5. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, а также в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию. В 1768, 1769 и 1770 гг. с приобщением описания достопамятностей крымских / Пер. с фр. И. Одинцова. СПб.: Государственная военная коллегия, 1783. 250 с.
6. Пейссонель Ш.-К. де. Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В.Х. Лотошниковой; вступ. ст., прим. и comment. В. В. Грибовского. Киев: Ин-т украинской археографии и источниковедения НАН Украины, 2013. 110 с.
7. Почекаев Р.Ю. Гиреи и Кафа: правовые аспекты отношений // Terra Tatarica: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время. Материалы научной конференции. Симферополь, 7–8 декабря 2022 г. Симферополь: Ариал, 2022. С. 59–64.
8. Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты отношений Крымского ханства и Османской империи глазами европейских современников. Ч. 1: анализ источников XVI–XVII вв. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 68–85. DOI: 10.22378/kio.2019.2.68-85
9. С.Е. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сергию // Киевская старина. 1883. № 9–10. С. 135–198.
10. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005. 542 с.
11. Татарчевский А. Деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Киевские университетские известия. 1873. № 10. С. 2–24.
12. Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь: Государственное изд-во Крым АССР, 1936. 107 с.
13. Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1867. Т. II. С. 140–174.
14. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.

15. Храпунов Н.И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века / 2-е изд. Севастополь: Альбатрос, 2022. 360 с.
16. Храпунов Н. Британские путешественники о крымских татарах и Крымском ханстве (XVII – начало XIX в.) // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 114–131.
17. Храпунов Н.И. Из безжалостных воинов в беспечные ленивцы: эволюция образа крымских татар во французских травелогах XVII–XIX вв. // Французский ежегодник. Т. 57. 2024. С. 222–239.
18. Храпунов Н.И. Клод-Шарль де Пейссонель как исследователь прошлого Крыма // Античная древность и средние века. Т. 51. 2023. С. 506–528. DOI: 10.15826/adsv.2023.51.027
19. Храпунов Н.И. Крымский хан в поход собрался: барон де Тотт о набеге татар на Россию 1769 г. // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 36–53.
20. Храпунов Н.И. Сведения о Крымском ханстве в трактате Адриана де Верди дю Верну // Золотоординское обозрение. Т. 11. 2023. № 1. С. 109–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.109-122
21. Храпунов Н.И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. XXV. 2020. С. 560–588.
22. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX. Симферополь, 2015. С. 395–430.
23. Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань; Симферополь: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.
24. Deherain H. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin aupres du khan de Crimée de 1767 a 1769 // Revue de l'histoire des colonies Françaises. Т. XV. 1923. No. 1. Pp. 1–32.
25. Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. XXXVI+1049 p.
26. Toth F. Entre voyage et écriture: la genèse et la réception des mémoires du baron de Tott // Archivum Ottomanicum. Vol. 29. 2012. Pp. 149–190.
27. Tott [F.], baron de. Memoirs containing the state of the Turkish Empire and the Crimea during the late war with Russia. Vol. I. London: G. G. J. and J. Robinson, 1786. XXXV+238+236 p.

Сведения об авторе: Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (194100, ул. Кантемировская, 3А, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528; gpoche-kaev@hse.ru

Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries.

Part 2: Study of sources of 18th century*

Roman Pochekaev

"Higher School of Economics" University – St. Petersburg

Abstract. This article examines the writings of European contemporaries (primarily diplomats and travelers who visited the Crimean Khanate and the Ottoman Empire during the period under review) on the specifics of the Girays' status with the Ottomans in the 18th century. The article analyzes the notes of French authors—diplomats and writers A. de La Motraie, A. Jaworki, F. Tott, C.-C. de Peyssonel, A. de Vergy du Vernoy, C. de Bar; the Englishmen D. Motley, W. Eaton, W. Tooke; and the Dutchman N.-E. Kleeman. In the last century of its existence, the Crimean Khanate increasingly came under the influence of the Ottoman Empire, but it was towards the end of its existence that it gained official independence (as a result of the Treaty of Küçük Kaynarca). The author intends to trace the evolution of the Khanate's status in relation to the Ottoman Empire as it was presented by foreign contemporaries, to identify the most common observations, as well as stereotypes and errors that were characteristic of European authors, many of whom uncritically used the materials of their predecessors.

Keywords: Crimean Khanate, Ottoman Empire, sovereignty, suzerainty, vassalage, notes of European travelers

For citation: Pochekaev R.Y. Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries. Part 2: Study of sources of 18th century. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 4, pp. 129–143. DOI: 10.22378/kio.2025.4.129-143 (In Russian)

REFERENCES

1. Avakov P.A., Bespyatykh Yu.N. The Crimean Khanate in 1736 according to the Account of the French Consul, Adam Yavorka. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146 (In Russian)

* Continuation. See the beginning in: Pochekeav R.Y. Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries. Pt. I: Study of sources of 16th–17th cc. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2019, no. 2, pp. 68–85. DOI: 10.22378/kio.2019.2.68-85 (In Russian)

2. Danish M.Baron Frantisek Tott, a diplomat of the Slovak origin at the court of the Crimean Khan Giray. *Zapad – Vostok* [West – East], 2015, no. 8, pp. 35–48. (In Russian)
3. *Caucasus: European Diaries of 13th–18th cc.* Comp. by Atalikov V. Nal'chik, Publishing house M. and V. of Kotlyarovs, 2010. 304 s. (In Russian)
4. Kalashnikov V.M. *British views on the Crimea (chronicles, memoirs, diaries of 17th – first quarter of 19th century)*. Dnepropetrovsk, 2013. 349 p. (In Russian)
5. *Voyage of Kleeman from Vienna to Belgrad and New Kiliya, also to the lands of Bujak and Nogay Tatars and to Crimea with return through Constantinople, Smyrna and Trieste to Austria]. In 1768, 1769 and 1770, with the junction of Crimean sights]*. Transl. by Odintsov I. St. Petersburg, State Military Collegium, 1783. 250 p. (In Russian)
6. Peyssonel Ch.-K. de. *Note on little Tartary*. Russ. ed.: Lotoshnikova V.Kh. (transl.), Gribovskiy V.V. (intr.). Kiev, Institute of the Ukrainian archeography and source study of National Academy of Science of the Ukraine, 2013. 110 p. (In Russian)
7. Pochekaev R. Gerays and Caffa: Legal aspect of relations. *Terra Tatarica: Crimea and Turkic world in the epoch of Middle Ages and Modern Age. Materials of the scientific conference. Simferopol' December 7–8, 2022*. Simferopol: Arial Publ., 2022, pp. 59–64. (In Russian)
8. Pochekaev R.Yu. Legal aspects of relations between the Crimean Khanate and the Ottoman Empire in views of European contemporaries. Pt. I: Study of sources of 16th–17th cc. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2019, no. 2, pp. 68–85. DOI: 10.22378/kio.2019.2.68-85 (In Russian)
9. S. E. Notes of Baron Tott on the Tatar raid of 1759 to New Serbia. *Kievskaya starina* [Kiev antiquities], 1883, no. 9–10, pp. 135–198. (In Russian)
10. Smirnov V. D. *Crimean Khanate under the suzerainty of the Ottoman Porte until the beginning of the 18th c.* Moscow, Turn to the XXI Publ., 2005. 542 p. (In Russian)
11. Tatarchevskiy A. Baron Tott's Activity as a Consul in the Crimea in 1767. *Kievskie universitetskie izvestiya = Kiev University Herald*, 1873, no. 10, pp. 2–24. (In Russian)
12. Tunmann. Crimean Khanate. Translation from German N.L. Ernst and S.L. Belyavskaya. Simferopol': State Press of Crimean ASSR, 1936. 107 p. (In Russian)
13. Khartakhay F. Historical fate of the Crimean Tatars. *Vestnik Evropy =Herald of Europe*, 1867, vol. 2, pp. 140–174. (In Russian)
14. Khrapunov N.I. *English travelers and Crimea. End of 18th – first third of 19th c.* Sevastopol': Al'batros Publ., 2022. 324 p. (In Russian)
15. Khrapunov N.I. *Bakhchisaray in descriptions of foreign travelers of the end of 18th – beginning of 19th century*. 2nd ed. Sevastopol': Al'batros Publ., 2022. 360 p. (In Russian)
16. Khrapunov N. British Travellers on the Crimean Tatars and the Crimean Khanate (Seventeenth to Early Nineteenth Centuries). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*, 2018, no. 2, pp. 114–131. (In Russian)
17. Khrapunov N.I. From ruthless warriors to careless idlers: The evolution of the image of the Crimean Tatars in the French travelogues of 17th–19th centuries. *French Anual*, 2024, vol. 57, pp. 222–239. (In Russian)

18. Khrapunov N.I. Claude-Charles De Peyssonnel as a Researcher of the Crimean Past. *Antiquity and Middle Ages*, 2023, vol. 51, pp. 506–528. DOI: 10.15826/adsv.2023.51.027 (In Russian)
19. Khrapunov N.I. Crimean Khan has left for the war: Baron François de Tott on the raid of Tatars on Russia in 1769. *French Annual*, 2023, vol. 56, pp. 36–53. (In Russian)
20. Khrapunov N.I. The Account of the Crimean Khanate in a Treatise by Adrian de Verdy du Vernois. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 109–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.109-122 (In Russian)
21. Khrapunov N.I. William Eton and his accounts on the Crimea on the eve of its unification with Russia. *Materials in archeology, history and ethnography of Saurian*, 2020, vol. 25, pp. 560–588. (In Russian)
22. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. The Crimea in 1784 according to French traveler Baron de Baert's account. *Materials in archeology, history and ethnography of Tauria*, 2015, vol. 20, pp. 395–430. (In Russian)
23. Sheykhumarov A.A. *Army of the Crimean Khanate: Organization and tactics (15th–18th cc.)*. Kazan’–Simferopol’: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 304 p. (In Russian)
24. Deherain H. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin aupres du khan de Crimée de 1767 a 1769. *Revue de l'histoire des colonies Françaises*, 1923, t. XV, no. 1, pp. 1–32. (In French)
25. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden–Boston: Brill, 2011. XXXVI+1049 p.
26. Toth F. Entre voyage et écriture: la genèse et la réception des mémoires du baron de Tott. *Archivum Ottomanicum*, 2012, vol. 29, pp. 149–190. (In French)
27. Tott [F.], baron de. *Memoirs containing the state of the Turkish Empire and the Crimea during the late war with Russia*, vol. I. London, G.G. J. and J. Robinson, 1786. XXXV+238+236 p.

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, HSE University – St. Petersburg (3A, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg 194100, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528; rpochekaev@hse.ru

Поступила в редакцию / Received 08.05.2025

Принята к публикации / Accepted 11.08.2025